

Гизелла Гофф

**ОНКО, СПАСИБО!
ГРАНСФОРМАЦИЯ
СЕБЯ**

(Попаданцы)

Гизелла Гофф Онко, спасибо! Трансформация себя. Попаданцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69302506

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга про онко. Она разворачивается в разных форматах – реальном времени и вымышленном. Автор делится собственным опытом лечения. Это не медицинские открытия, нет. Это открытия психотерапевтического плана, которые должны войти комплексно в состав лечения онкобольных. Перед вами истории реальных женщин, в том числе моя. Психологический Концепт книги – ГИРИ в нашей жизни, наши мысли, наше поведение, которые довели вас/нас до онко. Поэтому она и называется "Спасибо, ОНКО!", так как главная идея – прийти к себе истинной, познать себя и выйти на новый уровень. Тогда болезнь отступит при, конечно, правильном медицинском лечении. Конечно, здесь есть художественные элементы. Все "работает" на мысль, что же нужно делать, чтобы победить/преодолеть болезнь/войти в стойкую ремиссию, "взять за хвост" эту онко-шизофреничку! Администрация сайта Литрес не несет ответственности за представленную информацию.

Могут иметься медицинские противопоказания, необходима консультация специалиста.

Содержание

1	6
2	11
3	14
4	15
5	17
6	19
7	21
8	25
9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Гизелла Гофф
Онко, спасибо!
Трансформация
себя. Попаданцы**

**НАЙДИТЕ В СВОЕЙ ДУШЕ РАДОСТЬ, И ОНА
УНИЧТОЖИТ БОЛЕЗНЬ.**

Дарья ДОНЦОВА

1

Тринадцатый день я в больнице, в онко. Сделали КТ с контрастом и определили какую-то херь в нижнем средостении (метастаза? лимфоузел? два на два сантиметра).

Торакальный хирург в поликлинике РКОД, к которому я поспешила платно (мало ли чего?), сказал:

– Ну, что-то большевато. Там такого в средостении по определению не должно быть. Госпитализируйтесь. Второго мая.

Меня обуял страх. Я трясусь, как цуцик, как кролик – белый. А, может, серый?

У меня еще есть прием к другому торакальному хирургу – бесплатно. Пошла к нему. Тот смотрел, смотрел и сказал:

– Ничего такого не вижу особенного. Однако идите-ка к заведующему. Он все вам скажет.

Пошла.

Зав. вышел после хорошей чашечки кофе. Запах раздавался ароматный. А ведь раньше я была жуткий кофеманкой. А вот после операции на влагалище и жесткой химии кофе пить перестала совсем. И чувствую я себя просто отлично. Чай, только чай с лимоном.

Короче. Они не знают, что же это такое в средостении, и решили делать биопсию, то есть проколы, практически резать меня в отделении торакальной хирургии. Ужас. Чтобы

определить гистологию, надо человека покалечить. Только резать и умеют.

У меня случилась паника, пока я собирала справки для госпитализации. В результате левая рука ослабла, нарушилась моторика. Я не могла застегнуть пуговицы на своем сером длинном платье, да и вообще на любом платье. Предметы валялись из руки. Что это? Неврология? Инсульт? Предынсультное состояние?

Последние справки, однако, надо было собрать. В нашей поликлинике мне стало плохо, и врачи отправили меня без очереди к неврологу. Тот – молодой парень – сделал мне тест на инсульт и отправил с направлением в некий наш центр МКДЦ, чтобы провели МРТ головы (бесплатно) и исключили один из двух инсультов. ЭКГ, забор крови, экспресс-анализ в корпусе семь – корпусе скорой помощи. Наконец, МРТ без контраста на плюшевом аппарате.

Молодой лаборант сказал:

– Какие-то там у вас очажки.

– Да? Боже.

– Да! – сказала врачиха приемного отделения скорой помощи МКДЦ. – У вас метастазы в голове, очаги, очаги. В лобных долях и мозжечке. Их много и все они по полтора сантиметра.

– Как так? И я все еще жива с таким диагнозом?

– Ну да, вот уж и знаю. Живете с метастазами.

– Понятно.

– У вас же все равно госпитализация со средостением. Так вот, пожалуйста туда. В диагнозе можете не сомневаться.

Полностью измученная, как будто в плохой пьесе абсурда, я, наконец, прибыла домой с последними справками.

В семь тридцать после праздника Великой Победы десятого мая я была уже в приемном покое, и меня поселили на высокую койку в палате отделения торакальной хирургии (совсем жуткую и скверную, надо сказать, койку). Весь облик этой палаты не внушал ни доверия, ни оптимизма. Тумбочки советских времен, крашенные лет эдак десять назад, потертые. Туалет – унитаз – почти разбит. На нем – подобие сиденья. На стенах подобие оборудования. Здесь ремонт не делался очень, ну очень давно. Какое-то уныние и депрессия во всем интерьере.

Боже, куда я попала?

Рядом – пациенты, женщины, ожидающие операции. Два дня я провела в этой самой торакальной хирургии. Показала МРТ-исследование своей головы. Врачи пришли в шок. Провели здесь же МРТ моей головы с контрастом и сказали – да.

– Метастазы, перифокальный отек.

Хотя как странно, что только одна неврологическая реакция – слабость в одной руке и нарушение мелкой моторики.

– Ну, может, это от химии? – виляла я.

– Нейропатия и плюс какой-нибудь нейросаркоидоз? Вот же пишут, что после Ковида в мозгу бляшки возникают. А

у меня же в верхних долях легких вдруг фиброз обнаружили (до пяти миллиметров), да еще нижний средостений, что характерно после Ковида (конечно, после КТ определили – то ли метастаза, то ли лимфоузел, стоит знак вопроса. Но не факт же).

– Я все статьи научные прочитала, между прочим. А может, туберкуломы это? Встречалась с мужиком, а он бывшим зеком оказался. Кто его знает? Больной, наверно.

– А не рассеянный ли склероз? Он тоже подсвечивается контрастом, как написано в научных работах. И у него тоже характерные бляшки в мозгу – от полсантиметра до полутора.

– В мозгу мало ли что может быть после жестокой химии с платиной, которую мне сделали после сложной операции по удалению рецидива (долой полмочевого пузыря и часть влагалища)!!!

– Нет. Диагноз верен, – настойчиво, уперто настаивали врачи.

– Облучение мозга и точка!!! Ну, и перспективы у вас не ах!!! Все равно сдохнете.

Короче, отправили в радиологию с вердиктом – «все равно не выживете, и не надейтесь. Хотя в радиологии у нас все отлично, может, протянете год».

...

Ощутила себя я полным недоноском. 56 лет, онко, да еще и метастазы в голове. Кому я такая нужна? Но ничего. Книга

Дарьи Донцовой о раке вывела меня на широкую дорогу, и я почувствовала себя бойцом перед очередной битвой. И эту битву я выиграю!!!

2

Стали колоть глюкокортикоиды, или как там их – кортикоиды? Черт их знает. Надоело заморачиваться насчет медицинской терминологии. Короче, колят дексаметазон. Уже тринадцать дней. От этого я превратилась в мячик, круглый огромный мяч, лицо тоже, как футбольный атрибут. Ну и ладно. Футбол то я люблю.

Однако помолодела. Вот я теперь такой симпатичный кругляш и явно не на 56!!! Во всем есть свои плюсы.

Но жрать хочется немерено. Я ем через каждый час и поглощаю все, что есть (встаю ночью, спасибо, что соседки по палате толерантно относятся к моим ночным вставаниям) и жру белый хлеб. Благо, в буфете оставляют для стационарных пациентов и хлеб, и воду).

В стационаре на последний ужин в одиннадцать ночи у меня был Доширак. Блин, этот божок-пакет оказался как нельзя кстати. Я шла вниз к аппарату, где продается всякая химия, и покупала супчик за шестьдесят пять рублишек. И там, в этом Дошираке, еще есть какая-то рулетка. Регистрируешь код, и вуаля. Может, удача пошлет много денег? 777 777? (да, в общем, вранье, как и всегда, что касается в нашей стране розыгрышей и лотерей).

Я несказанно рада, что меня перевели из торакальной хирургии в радиологию, в этот стационар. Это реальное Чисти-

лице. Мне чистят мозги и душу. Уверовала. Я всегда верила. Но тут поняла, насколько же мы не ценим Жизнь и свое здоровье. А жизнь ведь она – в самых разных проявлениях. И главное теперь для меня – Смирение, Терпение (чего не всегда в моей жизни и было)!!! Я смиренна, терпелива. Я пока Жива. Хотя и мне предрекли только год.

...

В хирургии были разные женщины, с разными судьбами и с разным онко. У одной отняли грудь лет эдак двадцать восемь назад. Прожила она счастливо в ремиссии. Однако вот опять пошли у нее метастазы (может, оттого, что решила из северного города переехать в Анапу? **А ВЕДЬ СМЕНА КЛИМАТА ПРИ ОНКО – ПЛОХО!** Это стресс для организма, серьезный стресс. **НЕЛЬЗЯ МЕНЯТЬ, ДРУЗЬЯ, КЛИМАТ!!! НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ. ЛУЧШЕ СИДИТЕ ДОМА.**

И ПРИ ОНКО НЕЛЬЗЯ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ВОЗВРАЩАТЬСЯ К СТАРОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ, К ЕЕ ФОРМАТАМ! ИМЕННО ЭТИ ФОРМАТЫ И ПРИВЕЛИ ВАС К БОЛЕЗНИ!!!

МЕНЯТЬСЯ. НАДО МЕНЯТЬСЯ. МЕНЯТЬ СЕБЯ.

В результате у Лидии (у этой самой пациентки) – поллегкого долой. А через месяц долой и селезенка, потому что гистологию по удаленному поллегкого не определили (дурдом какой-то). И чтобы понять, какая же гистология и как лечить далее ее заболевание, убрали другой орган (Боже!).

Это очень страшно.

Другая – Мила, реально милая женщина лет пятидесяти с лишним, тоже пришла на операцию. Сделали. Резанули ей всю грудь. Плачет, но не сдается. Дочь ухаживала за ней, вся в растерянности, вся в шоке (как я ее понимаю). Сколько же Миле еще придется пережить!!!

Страшно ...

Лидия, которой удалили и поллегкого, и селезенку, оказалась из странного для меня северного города Инта. Что это за локус, не знаю. Но она сказала, что этот город – часть того самого ГУЛАГа, который описывал Александр Солженицын. Да, с Солженицыным-то я знакома давно, ведь диссер по нему написала еще в тысяча девятьсот девяностом году. Да еще и все тексты его читала, в том числе «Раковый корпус». И я теперь в раковом корпусе. Вот как-то так.

Лидия – дочь репрессированного, жила в бараках. Видела весь ужас лагерей. Видела этих вонючих вертухаев, которые издевались над политическими. Особенно вертухаи ненавидели священников. Одного такого, кто за мальчишку заступился, вывели в холодный барак, где градусов минус пятьдесят. Вместе с мальцом оставили их там на всю ночь, чтобы уже утром выбросить окоченевшие трупы. И такое было удивление, нет, не удивление, а вертухайский стрессак, когда священника и мальчишку они увидели живыми и невредимыми. Всю ночь Божий человек читал православные молитвы, а мальчик лежал головой у него на коленях. Всю ночь они чудом молитвы согревались.

Велики дела твои, Господи!!!

Да, это радиология. Мне облучают весь мозг, так как уверены, что у меня полно метастаз в голове. Почему-то мне кажется, что после тяжелой химиотерапии – цитостатики и препараты платины, у меня сильнейшая нейропатия, и она дала результат и в мозге. Похоже на симптомы рассеянного склероза. Хорошо, что дают дексиметазон, он как раз от демиелинизации.

Здесь, в радиологии – Чистилище. Или даже Лимб – первый круг АдаФ, куда итальянской поэт Предвозрождаени я помести античных философов и героев. Философов, кроме меня здесь нет, нет и великих полководцев, которых Данте засунул в этот первый круг своего Ада. Античностью не пахнет, разве только от меня отдает этим античным флером. Хотя...

Простые люди, наши россияне, каждый со своим диагнозом. Сначала раздражало. Это и понятно. Античный Лимб не есть еще круг божественный. Я все еще в своей прошлой жизни. Но ведь именно эта прошлая жизнь и довела меня до этой чертовой болезни. Моя линия поведения, мое тупое желание всем нравиться. Тупое желание иметь личную жизнь, как у всех. Муж, дом, дача, авто. Нет, Бог говорит, что это не мое. Он через онко говорит мне:

– Меняйся!

– А вернее, возвращайся к самой себе. Найди себя.

**НАЙТИ СЕБЯ. ОНКО, СПАСИБО. ДАЕШЬ МНЕ
ШАНС ПРИЙТИ К СЕБЕ НАСТОЯЩЕЙ.**

Что же мое?

Мое, как я считаю, – созерцать, писать. Мое – познать Божию Суть.

И вот перед иконой с длинной свечкой после облечения мозга я вдруг почувствовала, на самом деле, эту Божию Благодать. Она спустилась на меня!!! Спасибо, Господи.

Неверующий – все тот же грешник. Поэтому я пока в Лимбе. Пусть хотя бы в нем, не в других кругах.

Пошла к иконе Всецарицы. Нет, я не православная. Но Бог един, и он все же в Трех лицах. Очень правы православные люди.

Всецарица, помоги нам, грешникам!

Здесь нет такого, как в других отделениях – «шаг влево – шаг вправо – расстрел». Оттого и на душе весело.

Никогда не вставала я в пять утра. А тут, когда сказали, что дело твое швах, я вдруг настолько ощутила Радость Бытия, чего не было со мной никогда (все последнее время – в депрессии и бесцельности своего существования).

Солнце золотое. Май. Май клонится к июню. Холода прошли, и вместо них – тепло и даже летняя жара. Днем – именно летний зной. Такое удивительное небо. Оно нежно-голубое и на нем облака. Не как плохая вата. А вата легкая, воздушная. Вот будет ветерок, и эта вата потечет по небосводу. Потечет и исчезнет. Но потом появится вновь.

Хожу в чухонском сером платье миди с желтеньким школьным воротничком в черную крапинку (отличница, блин). Фигура теперь, как у викинга – от горомнов. Мощные плечи. Морда отъевшаяся. От демикситазона и омеза хочется жрать.

Вот тут Центр ядерной медицины, там – лучевая диагностика с МРТ. А тут что?

Бах...

Очнулась я на берегу моря. Блин, что это? Безбрежное море, явно не северное. Солнце все также ласкает мою одутловатую морду. Блин, где я?

Как-то стало страшновато. Неопределенность всегда вселяет страх. А я не понимаю, где же нахожусь. Вот только что был онкодиспансер. И его тут нет.

...

Я пошла по песчаной дорожке. Туфли то у меня на платформе. Черные. Явно не для этой обстановочки. Ни одной души. Людей нет. И только море шумит. На берегу даже нет лодок.

Долго я брела. Хотелось есть, пить.

Наконец, увидела какую-то постройку.

Боже. Это храм.

Храм сверкал своей мраморной белизной. Античные ионические колонны держали крышу. Два ряда колонн. Один ряд по внешнему периметру, второй ряд – по внутреннему. Красота колонн меня вдохновила. Но что мне было странно, ни одного человека. Ни одного!!!

– У них что, фиеста?

Я зашла в храм. Стояли тут лампы. Огромные свечи. Уже обгорели. Росписи на стенах не было. Но на полу была прекрасная мозаика. Та самая античная мозаика, которой могут похвастаться разве что только Помпеи, которые были похоронены заживо пеплом и жаром Везувия.

Прямоугольник храма заканчивался алтарем и тем местом, где должна быть статуя их античного бога. Да. Статуя стояла. Это была статуя женщины. Огромная двухметровая статуя женщины-богини с тяжеловесной фигурой. Статуя Артемиды-Кибелы.

Блин. Вот я попала!!!

Статуя поразила своей многогрудостью. Или это не груди, а что-то другое? Лицо каменной богини было правильной овальной формы. Черты лица классические. Статуя была золотой. Перед ней лежали огромные букеты свежих роз. Розы благоухали. Одни были белые. Другие были красные. Как будто кровь, алели на белоснежном мраморе.

– Откуда тут они? – подумала я.

Цветы? Рядом ни одной оранжереи.

Вдруг я услышала шорох. Испугалась. Спряталась за колонну. То ли девчонка, то ли мальчишка – худенький и некрепкий – подбежал к великой статуе и пал ниц. Долго он (оно) так и лежало. Потом зашуршало своими античными сандалиями и улизнуло так же неожиданно, как и появилось.

Глаза сами по себе стали закрываться от тяжелой усталости. Хотелось очень есть. Дексиметазон – этот чертов гормон – меня ввел в такое обжорство, что я хотела есть каждый час. А там – в онкодиспансере – уже обед!!! Там сейчас принесут суп и второе, и компот, и отвар из шиповника. Ясно, что не как в ресторане. Но есть можно.

СУП – ВПОЛНЕ ЩЕЛОЧНОЙ, ТО ЕСТЬ ОЩЕЛАЧИВАЮЩИЙ. ИМЕННО ТАКОЙ И НАДО ЕСТЬ ПРИ ОНКО. Либо это щи из капусты. Правда, капуста все еще зимняя. Либо это что-то среднее между щами и не ясно чем, но с горохом и фасолью.

ДОРОГОЙ МОЙ ЧИТАТЕЛЬ! СОВЕТ.

ЧТО ЖЕ ЕСТЬ ПРИ ОНКО?

ЕСТЬ ПРОДУКТЫ И ДЕЛАТЬ ТАКИЕ БЛЮДА, КОТОРЫЕ ОРГАНИЗМ ОЩЕЛАЧИВАЮТ, А НЕ ОКИСЛЯЮТ. ОНКО ЛЮБИТ КИСЛУЮ СРЕДУ. А ВОТ ЩЕЛОЧНОЙ СРЕДЫ БОИТСЯ. А ИМЕННО. ГОРОХОВЫЕ, БОБОВЫЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЧЕЧЕВИЦА ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫ. НЕОЦЕНИМ ЧЕЧЕВИЧНЫЙ СУП.

Я его делала в своей мультиварке.

Рецепт. Лук и морковь крупным кубиком пассеровала до золотистой корочки на постном масле минут

15 в режиме «Мультиповар». Посолила. Перчить не надо. Добавила крупным кубиком картофель. Но другие предлагают вместо картофеля корень петрушки, большой. У меня не было. Далее – закладываем че-чевицу красную. Доливаем воды, досаливаем, кладем чеснок – нарезанный (так вкуснее и ароматнее). Включаем «Мультиповар» на 45 минут. Суп постный, вкусный. Щелочной.

Другие продукты – фрукты, овощи, много зелени, особенно петрушка, а также яйца, орехи. Убрать свинину, баранину (хотя можно нежирную говядину). Обязательно рыбу – любую по вашим запросам. Вот именно так. А мясное и жирное, и хлебобулочное, торты, конфеты, консервы, колбасы, сосиски, фастфуд исключить (хотя по чуть-чуть можно, но в принципе не желательно). Диета играет немаловажную роль в борьбе в онко. ЭТО ВАЖНО!

...

Что ж. Ощелачивание организма наладили. А вот второе в стационаре приносили разное. Мне нравится картошка, пюре и какое-то мясо, явно тушенка. Со столовской подливой (блин, нельзя, но я в стационаре. Куда деваться?).

– Вам побольше положить? – спрашивает раздатчица. – Не боитесь поправиться?

– Дак я уже не боюсь. Как отправили меня сюда со словами – «сдохнешь», то я уже не боюсь.

Пить либо шиповник, либо компот. Чай с лимоном – с утра (тоже ощелачивание).

Где же это все мое благоденствие? Где моя еда? На фиг мне весь этот храм с Кибелой-Артемидой. Здесь же есть не дают!!!

...

Глаза закрылись и бах...

Передо мной стоит милая раздатчица.

– Вы компот будете или шиповник?

– И то, и другое.

– А хлеба возьмете?

– Да, все возьму.

Эта раздатчица приятная. Работает каждый день, то на третьем этаже, то у нас – на втором. Глаза, как у коровы. Красивые и томные. Видно, что ей по жизни нелегко. Видно держит скотину. Все отходы уносит домой. Это правильно. Как-то ведь надо выживать на небольшую зарплату. Вот она и выживает.

Жалуется на дочь-подростка. Та жизни ей не дает. Как я говорю, очередная гирия на шее родителей.

Подростки – пофигисты. Требуют от родных немерено. Так иди и работай. Нет, будут сидеть на шее родителей до смерти.

...

Вторая раздатчица – более колоритная фигура. Видно, что втихаря выпивает. Это всегда заметно человеку, который

присматривается. Я присмотрелась.

Она как-то одно утро перед началом раздачи еды начала со слов «помои».

Раздает нам еду и говорит:

– Вы помои правильно выливайте. Не бросайте пластик.

– Мы и не бросаем, – говорю я.

Очень меня покорило это слово – «помои». Такое ощущение, что эти люди именно нас, онкобольных, считают помоями. Тех, кто лечится. Верно где-то сказали, что в нашей стране онкофобия, или как еще назвали, канкорофобия.

На следующий день эта раздатчица пришла с поврежденной рукой. Запястье в бинте. Оказывается ее укусила бешеная собака. Вот как-то так. Вот тебе и помои!!! Я, читатель, порадовалась. Не верно это, но смеялась я в радость!

Еда возымела на меня свое чудодейственное действо. Сознание осталось довольно. Никуда пока спешить не надо. Лежу. Рядом – другая пациентка, из Вятских Полян, Кировская область РФ. Ума не приложу, как я оказалась в Храме Кибелы-Артемиды. Списала все на сон. Хотя эти тринадцать дней я не просто не спала. А так, урывками. Встаю в пять утра. Принимаю периндоприл, от давления, аторвастатин от холестерина, все, как кардиолог прописал, чтобы давление не скакало. Потом через часа полтора дексиметазон колет медсестра, а когда уж ем, принимаю оmez. Все по плану.

Главбух сначала меня раздражала. Все татарское. Я и сама татарка – генетически. Но по духу – нет. Слишком в интеллигентной среде росла. Но родители мои – из махровых татарских семей. Не были они интеллигентами, сами ими стали. Но, впрочем, не совсем стали – пытались. Они люди приземленные. И я – не в родителей. Вот этот русско-еврейский конгломерат, который был в нашем универе – на мне очень сказался. Не ясно, что я есть такое. Но явно – я явление наднациональное.

Хотя свой народ надо бы знать. А живя в Казани, я лет эдак двадцать пять открещивалась от этой татарской культуры.

Татары – поселяне – народ материальный, приземленный.

Любят чистоту, порядок, как правило, это и хорошо. Обладают даром вязания, вышивания, кулинарии. Прагматичные. Бабушка моя такая была, хотя по характеру – реальная сволочь.

Мать мне внушала, что я ни на что не имею права. Я только всем должна. Ну, училась я, отличница, пионерка, комсомолка. Начинаящий филолог. Так и сковырнулась на почве идиотских иллюзий, не понимая, что такое материальная жизнь.

Но тоже обнаружился во мне талант татарский, талант вязания. Когда жили в Гулаге – Соликамске (пришлось бежать с Кавказа), обвязала я всю свою маленькую семью – дочь, мать, себя (шикарные пуловеры и даже вязаное пальтишко для маленькой дочери, беретки, шарфы, носки). Ведь в Перестройку купить было нечего, да и не на что.

Научилась готовить и неплохо. Так что татарские таланты – при мне. А русско-еврейский вариант выскакивает в линии познания мира и науки.

Сон обуял меня.

Храм.

Жрица шла с подношениями. Она была невысокого роста. В те времена высокие были редкостью. Метр пятьдесят сантиметров.

– Мелкая, подумала я.

Но не грузная, фигура вроде ничего. Правда, все ее тело покрывал хитон и мантия. Хитон белый, мантия – красная. Волосы были черными и выющимися.

– Симпотная, – подумала я.

Лицо не было добрым. Похоже, здесь сыграл роль макияж. Брови подведены каким-то красителем, на щеках – румяна, глаза, как у египтян – синие тени, и как будто черным карандашом подвели веки. Что ж. Ниче так. И тогда была косметика, только натуральная. Так что человечество недалеко ушло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.